

Римас ТУМИНАС:

Мне жалко Пушкина

4 ОКТЯБРЯ НАЧИНАЕТСЯ XXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ «БАЛТИЙСКИЙ ДОМ», КОТОРОГО ЖДУТ НЕ ДОЖДУТСЯ МНОГИЕ ТЕАТРАЛЫ

Там будет много спектаклей-сенсаций. И «Обломов» Алвиса Херманиса, и «Братья Карамазовы» Люка Персеваля, и «Рай» Эймунтаса Някрошюса. Один из самых ожидаемых спектаклей — «Евгений Онегин» Римаса Туминаса, недавно поставленный в московском Театре Вахтангова. В спектакле заняты Сергей Маковецкий, Владимир Вдовиченков, Людмила Максакова и Юлия Борисова.

Основная программа фестиваля закончится 15 октября. Но по-настоящему закроется фестиваль больше чем через месяц — 19 и 20 ноября — как раз «Онегиным».

«Это эксперимент: программа фестиваля оказывается разорвана. Но ради Туминаса и ради его русско-литовской души можно пойти и на такой эксперимент», — говорят организаторы фестиваля.

Трудно сказать, почему необходимость в таком эксперименте вообще возникла: может, дело в какой-то невозможности согласовать планы режиссера и фестиваля. Во всяком случае Римас Туминас никоим образом не манкирует «Балтийским домом». Он даже приехал в Петербург заранее, чтобы поделиться своими мыслями о театре, о Прибалтике, о России и об Онегине — как всегда, одновременно разговорчивый и задумывающийся, не боящийся делать долгие паузы и превращающий каждую реплику в театральную ремарку. Мы поучаствовали с ним в этом мини-спектакле на крыльце комитета по культуре.

— Разбудили меня в поезде — говорят, Петербург. Большое небо у вас. В Москве этого нет...

— **Объясните: вот как люди набираются смелости ставить «Евгения Онегина»? Это ведь «наше все», нечто абсолютное, что невозможно превзойти. Да и написано не для сцены. Про «Горе от ума» я еще могу понять, но «Онегин»...**

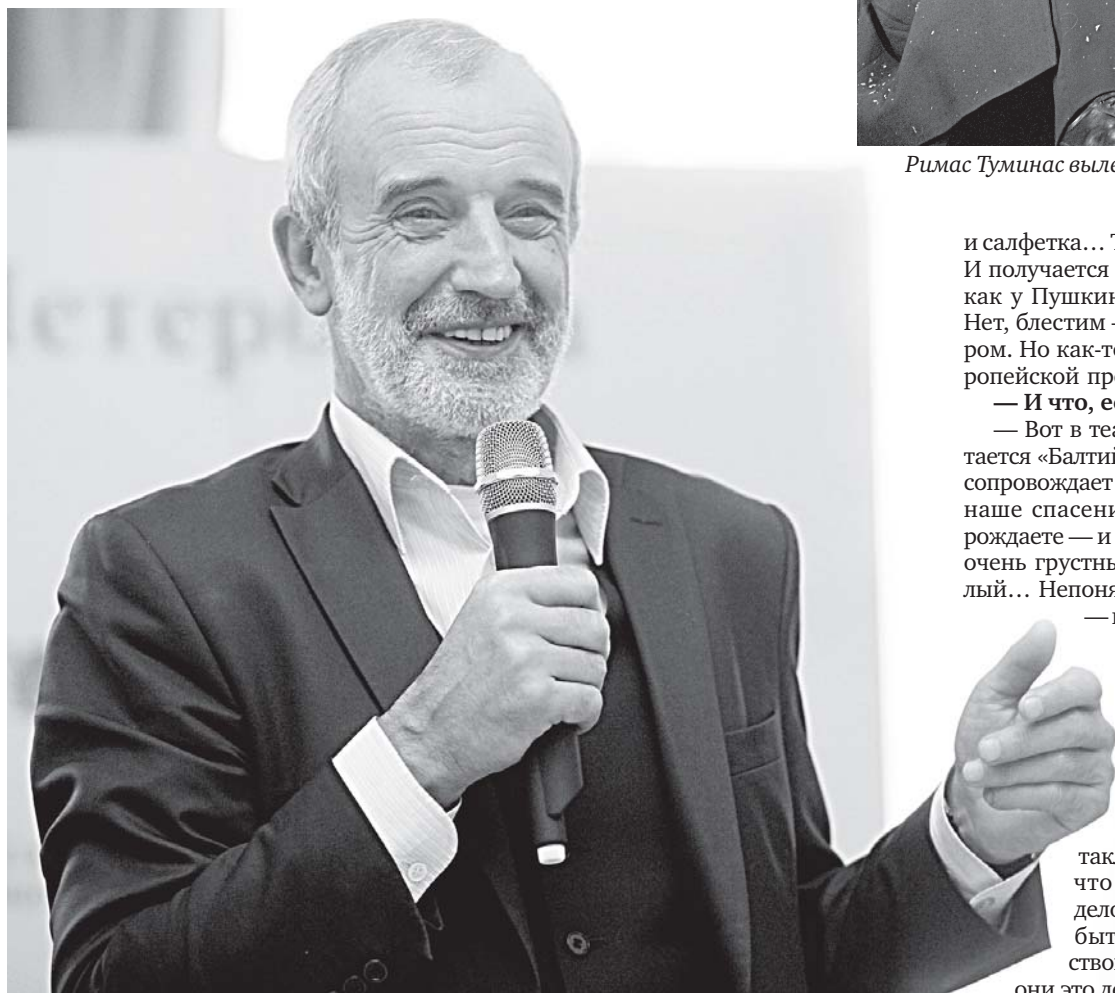
— Просто мне так Пушкина жалко было. В 37 лет умереть — очень несправедливо! И когда я спросил актеров: а кто убил Пушкина? — они ответили: мы, наверное. Мне это понравилось. Это история некрасивого убийства, и все.

— **Всегда русская классика кончается убийством... А в литовских школах сейчас «Онегина» изучают?**

— Изучают, конечно. Сейчас очень вернулись русский язык, литература. Было время, когда мало ими занимались. А сейчас хотя это и факультатив — но все записываются на изучение русского языка. И мне это приятно.

— **Но все-таки: почему для вас «Онегин» стал важен? Вы в нем видите какие-то переключки с современностью?**

— Ну, я о современности не думаю. Нам все не удается создать нынешнего героя. Грибоедов пытался создать героя — Чацкого. Не вышло. У Пушкина с Онегиным — не вышло. Лермонтов — то же самое. Они искали героя, подражая французским, английским образцам. Там это как-то состоялось. А здесь — нет. А Обломов закончился этот поиск героя. А потом пришел Сталин. Вот уж нашли мужчину, героя.

Пушкин... Все-таки очень его жалко. Он хотел создать этого героя для России! Чтоб мы так жили... Но ничего не получилось. Онегин уехал за границу. Куда уехал? Даже не на войну в Грецию. Он не стал там героем, не вернулся к Татьяне раненым. Нет, он где-то отдыхал, шляется по гостиницам. Потом приехал к Тане: мол, отдайте, это мое, она меня любила... Вот так схватить все готовое, но самому не творить — не вышло. И его наказали тем, что отобрали у него любовь. А когда любовь отбираешь у человека, больше ничего с ним уже делать не надо, это самая страшная месть. Онегин, Чацкий — что они? Живут в своей стране — и подозревают ее. И ничего для нее больше не делают. Вот что убивает. Достоевский не зря сказал, что назвал бы роман «Татьяной». И «Татьяна» было мое рабочее название. Потому что все — про нее. Про ее любовь, верность, преданность, муку, красоту... Так что настоящая героиня, конечно, Татьяна. Мать, сестра, любовь. А все эти мужчины — неудачники.

— **Легко вам было делать Онегина из Сергея Маковецкого?**

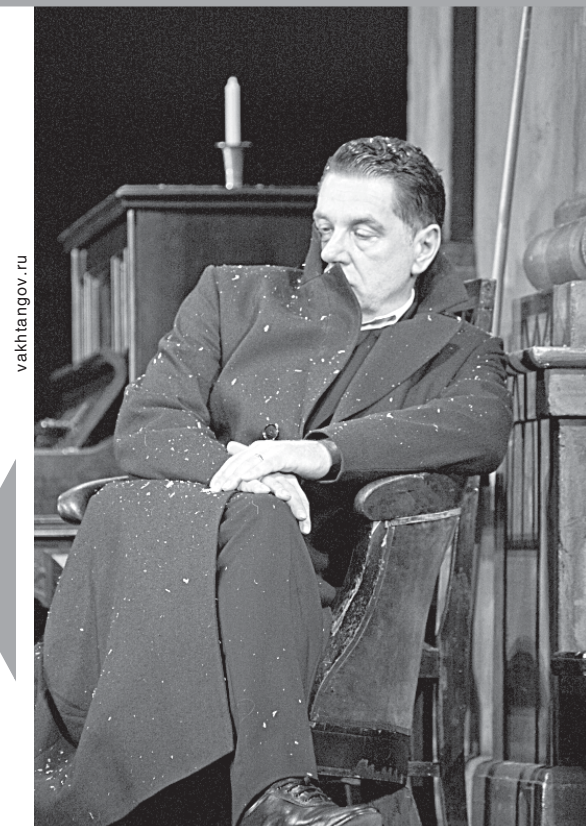
— У него лицо трудно читается на сцене. В кино — да, он более выразителен, точен. А в театре его надо специально лепить. И в «Дяде Ване» лепили тоже. В финале мы с ним прорабатывали улыбку, глаза. Вот тогда он стал собой, Маковецким.

— **Что вы чувствуете перед премьерой в «Балтийском доме»?**

— Мне всегда хочется что-то сделать, пока еще жив, — сблизить, стянуть разные места... Чтобы о нас не забыли. А кто

нас не забывает? «Балтийский дом», конечно. Европа нас забыла.

Знаете, когда-то наша плеяда прибалтийских актеров, режиссеров считалась уникальной... Мы тогда были таинственными, незнакомыми. Нам всем нравилось, что вы считаете нас Западом. Мы кокетничали. Для Запада мы вообще были неизвестны. Я помню встречу с Фиделем Кастро. Он мой друг, да. И когда я сказал «Литва» — я не хотел сказать «Россия»! — пришлось напоминать, чтобы он сориентировался. Польша, говорю, Балтийское море... Он надолго прижмурился. Потом похлопал меня по плечу. И у меня коньяк пролился. Я не успел среагировать, а уже была готова новая рюмочка

Римас Туминас вылепил из Сергея Маковецкого Евгения Онегина.

и салфетка... Так вот, никто нас не знал... И получается — «ничем мы не блестим», как у Пушкина? А умирать вроде рано. Нет, блестим — баскетболом. И вот театром. Но как-то мне жаль быть просто европейской провинцией.

— **И что, есть какой-то выход?**

— Вот в театральном пространстве создается «Балтийский дом». Этот фестиваль сопровождает меня все время. Приют наш, наше спасение, наша гордость. Вы нас рождаете — и для мира, и для Европы. Это очень грустный фестиваль, нежный, милый... Непонятно всегда про него: будет — не будет? Умрет — не умрет?

Он никогда не настаивает на своем, он просто душевно приглашает к себе. Из него идет такая доброта петербургская... И душа тянется сюда приехать. Вот привозим Пушкина.

Дорогой, конечно, спектакль. Но как-то договорились, что приедем. И не в деньгах дело, а в том, что очень хочется быть на этом фестивале, участвовать в этой любви, в которой они это делают.

— **А как вы к нынешнему девизу фестиваля относитесь? Напомню, он звучит как «Русские!». Довольно провокационно, не находите?**

— Да, «Русские!». У нас когда это название слышат, вздрагивают. В литовском министерстве культуры говорят: «поможем с финансированием... А почему «Русские!»? Нет, тогда не поможем». А по-моему, точное, сильное и — да — провокационное название. Это ваша смелость и гордость! И пусть! Меня уже упрекают. А я говорю актерам: «Вы должны в Россию внедриться — и быть с русскими!» Те, кто слаб, кто боится, сомневается, — пусть сидят дома.

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ

НЕ ПРОПУСТИ!

ИЛЬДАР АБДРАЗАКОВ СПОЕТ МЕФИСТОФЕЛЯ

3 ОКТЯБРЯ в кинотеатре «Аврора» в 21.30 пройдет прямая 210-минутная трансляция (с двумя антрактами) спектакля — открытия сезона в знаменитой Опере Сан-Франциско: оперы «Мефистофель» Арриго Бойто.

На сцену выйдут: мексиканский тенор Рамон Варгас — в партии философа, продающего свою душу дьяволу; Патрисия Расет в партии женщины, которую Фауст желает; и отчетливо зловещей главной партии — петербургский бас-баритон солист Мариинского театра Ильдар Абдразаков. В роли Марты — Эрин Джонсон, Вагнера — Чуань Юэ Ван. Итальянский маэстро Никола Лузотти встанет за дирижерский пульт.

В октябре в «Авроре» можно будет увидеть и видеoverсии других лучших оперных спектаклей мира: 9 октября — «Фальстафа», 16 октября — «Отелло», 23 октября — «Аиды», 30 октября — «Симона Боканегры» с Пласидо Доминго. Начало этих оперных вечеров — в 19 часов.

Михаил АНТОНОВ